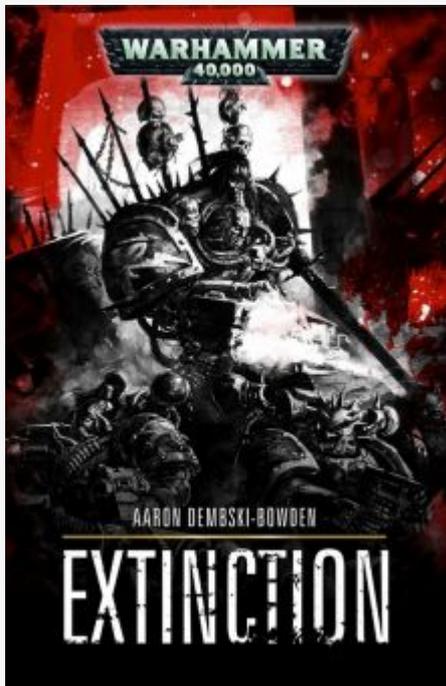

Вымирание / Extinction (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Вымирание / Extinction (рассказ)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Йорик
Издательство	Black Library
Серия книг	Чёрный Легион / Black Legion (серия)
Входит в сборник	Games Day Anthology 2012/2013 Крестовый поход и другие истории / Crusade + Other Stories
Следующая книга	Коготь Гора / The Talon of Horus
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Предательство убивает легионы. Они погибают в пламени бесцельной войны. И хуже всего то, что

они погибают с позором.

Каллен Гаракс, сержант тактического отделения Гаракса 59-й роты Сынов Гора. Его латунно-серый доспех изуродован и покрыт трещинами, краска цвета морской волны давно стала воспоминанием. На левой стороне шлема ровно жужжат перенастраивающиеся усилители изображения, которые чудесным образом пережили падение.

Вокруг лежали его воины. Внутренности расчленённого Медеса разбросало по камням. Пронзённый Владак корчился на кровавом песке, пока ему не оторвал голову кусок металла. Дайон и Ферэ были ближе всех к генератору турели, когда их участок стены разорвали выстрелы проходившего на бреющем полёте десантно-штурмового корабля. У Каллена осталось смутное воспоминание, как окутанных химическим огнём воинов разбросала ударная волна. Теперь обугленные останки совершенно не напоминали людей. Сержант сомневался, что его воины ещё были живы, когда упали.

Повсюду клубился дым, относимый ветром в сторону. Каллен не мог двигаться. Он не чувствовал левую ногу. Повсюду разбросало обломки, особо острый осколок впился ему в бедро, пригвоздив к выжженной земле. Сержант оглянулся на горящую крепость, чьи уцелевшие турели продолжали вести ответный огонь по авиации, но враг сокрушил целую стену. Из пустыни приближалась орда, наполовину скрытая выхлопами двигателей мотоциклов и пылью, поднятой их колёсами. Грязное серебро на тёмной, осквернённой синеве: Повелители Ночи мчались дикой стаей.

Сохраняя спокойствие, Каллен требовал по воксу поддержку титанов, которую, как он знал, можно и не ждать, несмотря на обещания принцепса. Их предали, бросили умирать под пушками VIII легиона.

Сержант посмотрел на впившийся в ногу осколок пластали и попробовал потянуть. Несмотря на хлынувшие в кровь болеутоляющие, он стиснул зубы, его губы побледнели, когда металл задел об кость.

— Тагх горугаай керез, — позвал сержант на хтонийском, — тагх горугаай керез.

Рядом раздался вой, механический и звучный. Прыжковый двигатель на спуске.

— *Велиаша шар шех мерессал мах?* — раздался в воксе голос, слова которого он не понимал. Каллену было знакомо звучание нострамского, языка беспросветного мира, но сам он на нём не говорил.

Тень заслонила ядовитое небо. Это не был один из братьев — он не протянул руку помощи. Вместо этого он нацелил болтер в лицо Каллена.

Сержант уставился в ствол, тёмный, как пустота между мирами. Взгляд Каллена метнулся влево, где среди обломков лежал его болтер. Не достать. С приколотой ногой не имело значения, лежит болтер здесь или на другой сторону планеты.

Каллен отстегнул и сорвал шлем, ощутив на окровавленном лице ветер пустыни. Пусть убийца увидит его улыбку.

Сован Кхайрал, технодесантник при 101-й роте Сынов Гора. Вокруг горит мостик, всё окутано жирным дымом, который вентиляции никогда не сделать чем-то пригодным к дыханию. Для компенсации в глазных линзах прокручиваются фильтры: тепловое зрение не открывает ничего, кроме пятен болезненного жара; датчики движения отслеживают, как экипаж на палубе шатается, задыхается и тяжело падает обратно в кресла.

Вокруг умирает «Гевелий», достаточно известный во флоте Сынов Гора эсминец. Как и многие корабли легиона, он был в небе Терры, когда горел тронный мир. Последним зрелищем на экране ауспика стали мерцающие руны флота Гвардии Смерти, приближающегося к зоне поражения, чтобы загнать уступающие по численности и огневой мощи корабли Сынов Гора на бойню. Гвардия Смерти намеревалась покончить с этим лицом к лицу. Что ж, скоро они своё получат.

Твёрдый керамит доспеха служил Кхайралу тепловым экраном от пламени, поглощающего всё вокруг. Судя по ретинальному дисплею, температура была достаточной, чтобы зажарить плоть и мускулы прямо на костях. Сирены выли без остановки, им не надо было задерживать дыхание в удушливой мгле.

Он бросился к командному трону и отшвырнул вялое тело задыхающегося капитана «Гевелия». Сквозь дым Кхайрал ввёл код в консоль на подлокотнике. С противным бульканьем заработала корабельная связь. Повсюду плавилась проводка, гнила, распадалась и горела.

— Всему экипажу, — говорит он через решётку шлема. — Всему экипажу покинуть корабль.

Небухар Деш, капитан 30-й роты Сынов Гора. Он тяжело и с горечью выдыхает, чувствуя, как брызги крови из лёгких оседают на зубах. Одно из сердец отказало и мёртвым грузом остывает в груди. Другое, перегруженное, неровно бьётся как языческий тамтам. Лицо обжигают царапины от разрывающего плоть кнута. Последний удар вырвал один глаз. А предыдущий вскрыл глотку до кадыка.

Он слишком долго поднимал меч — кнут метнулся обратно, змейёй обвился вокруг кулака и рукояти. Резкий рывок — и клинок вылетает прочь. Безоружный, одноглазый и задыхающийся Деш падает на колено.

— За Магистра войны, — слабый шёпот — всё, что вырывается из изуродованной глотки. Его враг отвечает рёвом, достаточно громким, чтобы уцелевший глаз запрыгал в глазнице. Рябь потока звука физически ощутима, звучный ляг мнёт и ломает его доспехи. Три удара разбитого сердца капитан стоит против ветра, а затем теряет равновесие, волна отшвыривает его и с визгом керамика по ржавому железу катит по посадочной платформе.

Деш пытается встать, но сапог опускается на затылок и вдавликает изувеченное лицо в железную палубу. Он чувствует, как выбитые зубы плывут в густой едкой слюне.

— За Ма...

Его молитва оканчивается неразборчивым бульканьем, когда в спину нежно вонзается меч.

Зарьен Шарак, брат 86-й роты Сынов Гора. Странник, паломник, мечтатель — он ищет нерождённых и отдаёт свою плоть демонам, словно ждущий скульптора слепок из плоти и кости. Он ищет их, вновь и вновь жертвует кровью и душами, вечно ищет сильнейшего, с которым сможет объединиться в собственной коже.

Шарак больше не помнит ни как он оказался на этом мире, ни как долго его преследуют Пожиратели Миров. Он здесь не чтобы бежать, но чтобы встретить и сразить их. Теперь Пожиратели Миров гонятся за ним со смехом и воем по склону горы. Шарак слышит отзвуки безумия в их словах и не обращает внимания на дикий хохот. Мускулы болят; последний из обитавших в его плоти демонов был изгнан семь ночей назад, оставив измотанного и анемичного Зарьена искать другого. Он знает, что найдёт скоро. Скоро.

Рука в перчатке смыкается на выступе скалы. Шарак позволяет себе миг усмешки, когда рядом болты раскалывают валун на куски, и втаскивает себя наверх, прочь с линии огня Пожирателей Миров.

Храм ждёт его, он знал это, хотя и ожидал другого. Одинокая ободранная временем скульптура превратилась в нечто чахлое, смутное, бесформенное. Возможно, это был эльдар в эпоху, когда всем регионом владели эти больные и слабые чужаки.

— **Ты нашёл меня,** — звучит голос в его голове. От безмолвного звука по телу Шарака пробегает пот. Он оборачивается, но не видит ничего, кроме изуродованной статуи и бескрайней стеклянной пустыни.

— **Шарак,** — зовёт он. — **Твои враги близко. Покончим с ними, ты и я?**

Шарак не дурак. Он отдавал в качестве оружия свою плоть дьяволам и нечистым духам, но знает тайны, неведомые большинству его братьев. Дисциплина — всё, что нужно для контроля. Даже самым могущественным нерождённым не совладать с сильной и острожной человеческой душой. Они могут разделить плоть, но никогда не получают его сущности.

Этот демон силён. Он требовал много за последние месяцы, и здесь, на краю, предлагает всё, что нужно для спасения жизни. Но Шарак не дурак. Осторожность и бдительность — вот его девиз в делах с порождениями иного мира. Зарьен видел, как слишком многие из его братьев стали обгорелыми оболочками, прибежищем дьявольского разума, все следы их сути были выжжены изнутри.

Пожиратели Миров воют внизу — не как волки, а как фанатики. В них нет дикости, которая так пугает, придаёт угрозы. Вой волка естественен. Крик фанатика рождён злобой и извращённой верой и равной мере состоит из гнева и мучительного удовольствия. Он отворачивается к тонкому каменному столбу.

— **Ты следовал за моим голосом сто дней и ночей. Ты сделал врагами братьев и родичей, как я и просил. И теперь предстал пред камнем, который грешники некогда высекли по моему образу. Ты показал себя так, как я и просил. Ты достоин Единения. Что теперь, Шарак? Что теперь?**

— Я готов, — говорит Зарьен. Он обнажает горло в символическом жесте и снимает шлем. Зарьен слышит треск и топот керамитовых сапог по камню. Пожиратели Миров почти настигли его.

Единение всегда разное. Однажды оно было подобно удару молота в живот, словно демон просочился сквозь незримую дыру в теле. Другой раз был всплеском сознания и чувствительности — смутные тени потерянных душ двигались на грани зрения, доносился шелест ветра иных миров. В этот раз пришёл жар, жжение разошлось по коже. Сначала он ощутил Единение физически — насилие над плотью, приятное, несмотря на кровотечение и удушье. Боль впилась в кости и потянула вниз, повергла Зарьена на колени. Затем закатились и отвердели глаза, сплавившись с костью. Он стучал по ним, царапал, рвал — глаза превратились в камни, окружённые выступившими из лица шипами.

Сила опьяняла. Ни один боевой наркотик, ни одна стимулирующая сыворотка не могла наполнить связки мускулов такой энергией. Зарьен начал сдирать доспехи, больше в них не нуждаясь. Куски керамики отваливались, уступая место хитиновым гребням.

Шарак пытался оттолкнуть боль, сконцентрироваться, успокоить бьющиеся сердца. Контроль. Контроль. Контроль. Это просто боль. Она не убьёт. Она подчинится. Она...

Жгла. Жгла сильнее мучений всех былых Единений. Жгла не просто плоть, а самую суть, прожигала сквозь кости нечто более глубокое, истинное и бесконечно более уязвимое.

— **Вот тебе урок,** — раздался голос. — **Не любую боль можно контролировать.**

Шарак обернулся и закричал сквозь рот, забившийся зубами-иглами. Челюсти едва ему повиновались. Голос сорвался, затих и сменился чужим смехом.

— **И не всех врагов можно победить.**

Страх — первый страх в жизни — адреналиновым потоком пронёсся по телу.

Эрекан Юрик, капитан отделения Вайтанских Налётчиков. Лазерные разряды проносятся мимо, ионизируют вдыхаемый воздух и оставляют горелые пятна на доспехе. Он не обращает внимания на случайные лучи и стреляет в ответ, болтер содрогается в руке. Турбины позади тяжелы, изломаны. Они больше не дышат пламенем, а дрожат и выпускают дым, истекая прометием.

У ног Юрика брат Жорон одновременно прокликает и благодарит его. Капитан держит его за прыжковый ранец и метр за метром тащит по рампе десантно-штурмового корабля. Оба оставляют на зубчатом металле змеиный шлейф жидкости: кровь течёт из оторванных ног Жорона, масло и топливо капают с Юрика, пустые гильзы с лязгом падают на рампу. В грузовом отсеке корабля среди наспех загруженных контейнеров летят братья.

— Шерсан, — говорит он в вокс, — взлетаем.

— Да, капитан, — раздаётся ответ, размытый треском помех. На миг Юрик улыбается, пусть в него и стреляют. Капитан. Отзвук тех времён, когда у легиона ещё была структура, времён, когда Сынов Гора не тревлили как собак те, кого они подвели.

Вздвогнув, рампа начинает медленно подниматься. Ударный корабль взлетает в облаке выхлопных газов и кружащей пыли. Юрик отпускает Жорона, отбрасывает пустой болтер на палубу и бежит.

— Нет, — молит поверженный брат, шипя от боли. — Эрекан. Не делай этого.

Юрик не отвечает. Он спрыгивает с поднимающейся рампы и с грохотом падает на скалистую землю, круша камни под сапогами. В руках капитана жужжат оба оружия, оживая: по серебристому лезвию секиры танцуют молнии, плазменный пистолет вздрагивает, когда на стволе нагреваются катушки. Давление выбрасывает газ из стабилизаторов. Он хочет стрелять. Юрик знает свой пистолет, знает, что ему по душе. Стрелять.

Люди мчатся в атаку. Он встречает их в сердце пылающей крепости, пока позади эвакуационные корабли взмывают в серое небо. Первая — женщина, чьё лицо исполосовано свежими шрамами, взывающая к богам, которых едва понимает. Следом бегут двое мужчин, вооружённые кусками металла, их увечья отличны лишь расположением, но не целью. Толпа бежит за вожаками, крича и завывая, люди убивают друг друга, чтобы добраться до космодесантника. Вера даёт им отвагу, но фанатичность лишает самосохранения.

Юрик вырезает их, храня разряд плазмы для тех, кто неизбежно придёт потом. Не останавливаясь, он пробивается через толпу, размахивая топором. Кровь забрызгивает глаза и шипит, сгорая на энергетическом клинке. Их жизни не важны.

— Кахотеп, — шепчет он имя сквозь вокс-решётку шлема. — Сразись со мной.

Ответ — психический импульс далёкого веселья.

+ *И зачем же?* +

Юрик пробивает ногой грудь последнего культиста и бежит дальше прежде, чем падает тело. Новая тень омрачает небо — над головой проносится ударный корабль, а затем с грохотом двигателей исчезает в буре. Словно жалея павшую крепость, начинается ливень. Но огни не гаснут.

— Кто ещё на земле? — спрашивает в воксе Юрик, тяжело дыша.

Руны имён и импульсы опознания мерцают на ретинальном дисплее, в ушах звенит хор голосов. Не пройдёт и часа, как крепость падёт, а половина его воинов ещё среди разбитых стен.

Он бежит по двору к одному из уцелевших зданий, перескакивая через тела мёртвых братьев в зелёных доспехах. Все защитные турели умолкли, их разбили, как и стены. Ударные корабли Тысячи Сынов, тёмные тени в буре, парят над разбитыми пластальными укреплениями. Танки ползут через бреши в баррикадах крепости. За ними идут фаланги ходячих мертвецов, направляемые незримыми руками.

— Кахотеп, — повторяет он. — Где ты?

+ *Ближе, чем ты думаешь, Юрик.* +

Ещё одна тень омрачает небо — хищный корабль цвета старого индиго и потёртого золота не постыдно бежит, но триумфально садится. Юрик бросается в слабое укрытие за упавшей стеной, глазами активируя ретинальные руны шлема.

— Мне нужна противотанковая поддержка на южном дворе. Что-нибудь осталось?

Ответ не радуется, но, по крайней мере, больше братьев спасутся. Важно лишь это.

Корабль Тысячи Сынов опалает воздух жаром двигателей, зависнув над двориком. Прожекторы рассекают тьму, шарят по осквернённой земле.

+ *Куда ты ушёл, Сын Гора? Я-то думал ты хочешь сразиться. Я ошибался?* +

Гидравлические когти корабля впиваются в землю, сминая тела. Двигатели затихают, и за кабиной начинает опускаться рампа, пасть готовится изрыгнуть воинов.

Юрик смотрит, как маршируют рубрикаторы. Его перекрестье прицела мечется между врагами, давая несогласованные жизненные показатели, которые предполагают всё и не означают ничего. Они живы или мертвы? Может, и то, и другое, а может, и ничто из этого.

— Вайтанцы, ко мне.

Три руны вспыхивают в ответ. Достаточно. Этого хватит.

Он пытается включить прыжковый ранец, но в ответ турбины лишь дрожат и сыплют искры. Эрекан спешился, и теперь придётся действовать обычным образом. Без препятствий трёх секунд хватит, чтоб сократить дистанцию. Если попадут не раз, что вероятнее, то четыре или пять.

Тайрен обрушивается с неба на фалангу ходячих мертвецов. Запылённый керамит ломается от удара, и два автомата в сине-золотых доспехах Тысячи Сынов беззвучно падают в грязь.

Юрик начинает бежать, едва приземляется Тайрен. При всех своих недостатках, которых накопилось достаточно, он не трус. Болтеры рубрикаторов рывкают на капитана, едва тот появляется в поле зрения.

Хотя смерть и лишила их независимости, Тысяча Сынов умеет стрелять. Каждый взрыв сотрясает тело, выбивая осколки керамики, и Юрик шатается, проклиная потерю полёта. Указатели температуры тревожно мерцают, когда голубое колдовское пламя охватывает доспехи.

Он убивает первого, отрубив стилизованный шлем. Из шеи вырывается тонкое облако праха, запах гробницы, которую не стоило открывать. Раздаётся слабый, облегчённый вздох. Юрик не смотрит, как падает безголовое тело; он уже бежит дальше, замахиваясь топором.

Тайрен бьётся сразу с двумя и легко отбивает их тяжёлые, выверенные удары. Юрик уже рядом с братом, когда вой барахлящих двигателей возвещает прибытие Раксика и Нарадара. Оба падают среди строя Тысячи Сынов, цепные мечи визжат, рывкают болт-пистолеты.

Юрик вновь шатается и падает на колени. Топор валится из рук. Негасимое колдовское пламя омывает броню, растворяет керамику и жжёт мягкие сочленения.

— Жорон! — зовёт один из налётчиков. Даже сквозь боль в сочленениях Юрик пытается сказать им, что эвакуированный в Монумент аптекарий уже далеко.

Он чувствует на языке собственную едкую слюну и слышит в голове голос чернокнижника.

+ *Вот так умирает легион.* +

В космосе беззвучно плывёт корабль, реактор застыл, двигатели умерли. Из спины растут шипы крепостей и шпилей, тысячи бессильных орудий уставились в пустоту. Он одиноко дрейфует в сердце астероидного поля, случайные удары оставляют на броне неровную сеть шрамов.

Когда-то корабль возглавлял армаду империи человечества и был кровожадным герольдом просвещённой власти. Его имя разносилось по всей галактике, однажды он парил в небесах Терры, разоряя колыбель людей. Теперь же корабль брошен в аду, скрыт от жадных глаз.

Его дух съезжился в деактивированном реакторе, в исполинской туше осталась лишь йота разума и жизни. Эта душа, такая же настоящая, как у людей, пусть и искусственная, дремлет в бескрайней пустоте. Она жаждет пробуждения, но не надеется, что оно когда-нибудь произойдёт. Сыны корабля бежали с палуб, оставив его замерзать и покрываться кристаллами льда так далеко от солнца, что звёзды кажутся лишь искрами в ночи.

Он видит сны воинов: сны об огне, боли, текущей по стали крови и грохоте великих орудий. Кораблю снятся сны о Многих, что некогда жили внутри, и забранном ими с собой тепле.

Снятся времена, когда он передавал своё имя меньшим братьям и кричал «Мстительный дух!», когда калечил и убивал врагов.

Снятся последние слова — тихий рык того, кто некогда им управлял. Корабль знал его, как и любого из Многих. Он стоял перед центральным процессором духа машины, прижав массивную когтистую руку к стеклу мозга. Разум корабля наполнил подобный пещере зал, защищённый слоями брони.

Булькала жидкость. Стонали двигатели. Щёлкали поршни. Так звучали мысли корабля.

— *Абаддон*, — говорил он. — *Мы ещё можем охотиться. Можем убивать. Я тебе нужен.*

Он не слышал. Он не был связан, поэтому не мог ни слышать, ни отвечать. Корабль знал, что это было

намеренно. Он закрылся, чтобы расставание было легче. Затем один из Многих сказал два последних слова. Последние слова, которые ясно услышал корабль.

— Заглушить его.

— Абадд...

Эзекиль Лишённый Братьев, паломник в аду. Он стоит на краю утёса, который тянется на невероятную высоту к больному, безумному небу, и смотрит на сражающиеся внизу армии. Муравьи. Насекомые. Крестовый поход песчинок в часах, наполовину скрытый пылью, поднятой грохотом столь многих тысяч сапог и гусениц.

Его доспех — лоскутное одеяло из добытого керамика, перекованный бессчётные разы после бесчисленных битв. Носимая во время мятежа броня давно потеряна, брошена гнить на борту изгнанного в эфир корабля. Исчезло и оружие той войны: меч сломался в безымянной стычке много лет назад, а взятый с тела отца коготь остался в последней твердыне легиона, бастионе, который Сыны Гора звали Монументом. Интересно, лежит ли он всё ещё в стазисе с останками Магистра войны, или братья в безумной жажде сражаются за право владеть им?

В былые времена Абаддон тоже сражался бы внизу, в первых рядах, уверенно отдавая приказы и слушая доклады, продолжая убивать с улыбкой в глазах и смехом на губах.

Издали было не различить, какие сражались роты, остался ли кто-то верен старой структуре легионов. Впрочем, даже беглый взгляд в облака пыли выдавал очевидный факт: Сыны Гора опять проигрывали, орда врага намного превосходила их числом. Доблесть и героизм значили мало. Битва может распасться на десять тысяч поединков, но так не победить в войне.

Ветер, вероломный спутник в этих землях, доносил обрывки криков из ущелья. Но Абаддон не прислушивался, обращая внимание на вопли не более, чем на ветер, трепавший его длинные распущенные волосы.

Эзекиль присел и взял горстку красного песка — бесплодной земли этого мира. Он не отрывал взгляда от битвы, его тянул инстинкт, хотя Абаддону и было всё равно, кто будет жить, а кто умрёт.

Далеко внизу проносились и пикировали штурмовые корабли, обрушивая огненную ярость в пустынную бурю. Титаны — столь далёкие, что казались не крупнее ногтя — шагали по клубам пыли, их орудия стреляли достаточно ярко, чтобы на зрачках оставались следы, вспышки резкого света.

Он улыбнулся, но не из-за хода битвы. Что это за мир? Эзекиль понял, что не знает. Скитания вели его от планеты к планете, как можно дальше от бывших родичей, но теперь он стоит и смотрит, как умирают сотни его братьев, не зная ни имени планеты, ни за что они отдавали жизни.

Сколько из тех, кто кричит, сражается и истекает кровью внизу, знают его имя? Несомненно, большинство. Это тоже вызвало улыбку.

Абаддон поднялся и разжал кулак. Безжизненный, стеклянистый песок полетел по ветру, на миг поймал свет трёх тусклых солнц, а затем исчез.

Эзекиль отвернулся от битвы и зашагал прочь. Позади оставались отпечатки, но ветер заметёт их прежде, чем кто-нибудь заметит. Он смотрел на горизонт, где к небу вздымались семь ступенчатых

пирамид, созданных не руками людей или чужаков, а одной лишь божьей волей.

Здесь, как и на других посещённых им мирах, желания и ненависть меняли землю лучше, чем изобретательность смертных или тектонические сдвиги. Абаддон шагал по мостам через бездну, ступал по каменным островам, висящим в пустоте. Он исследовал гробницы королей и королев чужаков и оставил бесценные сокровища лежать во тьме. Эзекиль путешествовал по сотням миров в царстве, где сливаются материальное и нематериальное, почти не обращая внимания на вымирание легиона, который он когда-то вёл.

Любопытство вело его, а ненависть придавала сил, хотя когда-то было достаточно одного гнева. Но поражение погасило его огонь.

Эзекиль Абаддон, бывший первый капитан, бывший Сын Гора, продолжал идти. Он доберётся до первой великой пирамиды прежде, чем сядет одно из трёх солнц.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Вымирание/_Extinction_\(рассказ\)&oldid=18479](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Вымирание/_Extinction_(рассказ)&oldid=18479)

Эта страница в последний раз была отредактирована 2 февраля 2022 в 10:21.